

1.1. Понятие метафоры.

В любом исследовательском труде, как правило, подход к определению этого термина начинают с цитирования античных произведений. Начало исследовательского интереса к метафоре связывают обычно с именем Аристотеля. В своей «Поэтике» он впервые описал метафору как «способ переосмысления значения слова на основании сходства». [43; 5]

В основу понятия заложено *уподобление*, и так трактуется метафора практически во всяком источнике. Например:

«Метафора – это вид тропа, скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета, явления другому (напр. чаша бытия), а также вообще образное сравнение в разных видах искусств. В лингвистике: переносное употребление слова». [36; 300]

Возьмем еще один академический источник:

«метафора (греч. «перенос»), троп или фигура речи, состоящая в употреблении слова, обозначающего некоторый класс объектов (предметов, лиц, явлений, действий или признаков), для обозначения другого, сходного с данным, класса объектов или единичного объекта; напр.: волк, дуб и дубина, змея, лев, тряпка и т.п. в применении к человеку; острый, тупой – о свойствах человеческого ума и т.п.» [49]

Однако, выясняется, что значение уподобления само по себе девальвируется и отходит на второй план при детальном рассмотрении функциональных возможностей, что, в свою очередь, отражается в определении термина. Которова Е.Г. говорит о том, что «термин «метафора» никак нельзя назвать однозначным, его содержание значительно варьируется в различных отраслях науки, в лингвистических течениях, у отдельных авторов». [25; 30]

В очерке А.Н. Баранова к словарю русской политической метафоры, метафора определяется с точки зрения когнитивной теории[1] как «сложный когнитивный феномен, возникающий в результате взаимодействия двух

смысловых комплексов – содержания/фокуса/источника и оболочки/фрейма/цели» [6; 45]. Это определение опирается на терминологию М. Блека, который «фокусом» (“focus”) называет слово в выражении, используемое в переносном смысле, т.е. метафорически, а «рамой» (“frame”) слова или слово окружающие «фокус», употребляемые в обычном смысле [8; 156].

Создается впечатление, что подход к определению очень вариативен и продолжает изменяться с течением времени: «этимологическое значение слова «метафора» – «перенос» уже не соответствует его настоящему содержанию; эти два термина разобщены, и каждый имеет свое значение». [25; 31]

В меньшей степени распространено определение понятия метафоры как вторичной лексической номинации, т.е. характеристика термина как инструмента в рамках гносеологии. «Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. Метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления». [38; 71]

Таким образом, метафора - это «новое использование уже существовавшего ранее в языке слова или словосочетания, для обозначения какого-либо понятия с целью наделения его частью предыдущего смысла». [31]

В подобном ключе трактуют термин не только философы и литературоведы, но и лингвисты характеризуют метафору как разновидность вторичной лексической номинации, предусматривающей производство значения «на основе сопоставления двух предметов по общему признаку, возникновение которого гарантируется единством всех сторон практико-преобразующей деятельности человека, а следовательно, единством процессов, осуществляющихся в его сознании». [12; 47]

Такое понимание термина присутствует не только у отечественных, но и у зарубежных языковедов. Метафора воспринимается как «способ постижения одной вещи в терминах другой». [26; 62]

Бирдсли выдвигает теорию о том, что метафора возникает тогда, когда происходит сдвиг от десигнации к коннотации: «Принадлежность к метафоре определяется наличием двух составляющих: семантического различия между двумя уровнями значения и логической оппозиции на одном из уровней». [5; 208] Ф. Соссюр говорил о том, что метафора как символ восходит к понятию образа. Лотман Ю.М. в исследованиях художественного текста трактовал метафору как некое семантическое «напряжение» между естественным языком и языком искусства.

1.2. Подходы к определению метафоры.

С античных времен интерес к определению метафоры не спадает, а напротив, возрастает в силу семантических изменений языка. Как же определял метафору Аристотель? В частности, в своей «Риторике» он говорил, что метафора – это «перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии». [43; 5] Т.е. здесь среди разнообразных семантических стяжений доминирует единственный термин – метафора, следовательно, разнообразные тропы понимаются в широком смысле. «Однако не все в теории Аристотеля может быть принято.

Во-первых, необходимо учитывать то обстоятельство, что в Аристотелевой классификации к метафоре может быть отнесен только четвертый тип, который выделял и сам Аристотель». [43; 5]

Метафора для него – фигура речи, потому что исследует вопросы риторики «<...> о метафоре как о языковом явлении Аристотель не говорит». [43; 5] Тем не менее в античные времена закладывается базис для того понимания тропов, которое превалирует в XX веке.

В XX веке формируется взгляд на метафору как на обязательную языковую доминанту, выполняющую коммуникативную и когнитивную функцию.

Исходя из хронологии событий, многие ученые утверждали, что причины метафоричности языка кроются в мифологии. Особенности мышления носителей древнего языка положили начало исследуемому явлению. «Базисная метафора», лежащая в основе любого мифотворчества, считалась собственно языковым явлением, подлежащим исследованию и интерпретации. Идентичность или сходное звучание языковых обозначений открывали путь для мифологической фантазии. «Человек независимо от его желания был вынужден говорить метафорически <...>». [23; 34]

В отечественной истории языкознания «основы изучения метафоры как языкового средства, отражающего принципы и механизмы взаимосвязи языка с миром, были заложены еще А.А. Потебней и развиты Л.С. Выготским». [44; 7] «Одной из первых работ, в которой метафора лишается своего чисто языкового статуса и применяется для характеристики мыслительных процессов, является книга «Из записок по теории словесности» А.А.Потебни. <...> Потебня отвергает привычное понимание метафоры как стилистического приема и предлагает новую ее интерпретацию как необходимого элемента художественного мышления». [25; 33] Например, он говорил о том, что мир искусства является своего рода отражением мира природы и социума, а всякое искусство «есть образное мышление». [39; 163]

Сложность и неоднозначность внутренней структуры породили множество подходов и трактовок, что отмечалось многими исследователями. Например, М. Блэк заявлял: «Мне кажется, что легче прийти к согласию в вопросе о частных случаях, чем об интерпретации понятия метафоры в целом». [8; 155] Примерно то же говорит и Москвин: «Разнобой в понимании и определении термина *метафора* нередко ставит в тупик даже специалистов, когда их просят определить значение этого термина». [33; 14]

Метафора как явление многоплановое и затрагивающее разные языковые ярусы изучалась в разных аспектах.

В 70-х годах XX века вычленяли «4 направления (или аспекта) исследования языковой метафоры: 1) номинативно-предметное; 2) формально-логическое; 3) психологическое; 4) лингвистическое». [44; 6]

В 90-х годах этих направлений сложилось уже значительно больше, хотя данное распределение также носит достаточно условный характер.

Итак, самостоятельно оформившиеся направления в изучении языковой метафоры, которых пишет Складерская Г.Н.: семасиологическое, ономасиологическое, гносеологическое, логическое, лингвистическое, стилистическое, психолингвистическое, экспрессиологическое, литературоведческое, лексикологическое, лексикографическое.

М. Блэк рассматривал явление метафоры с трех точек зрения: *интеракционистской, субституциональной и сравнительной*. «Интеракционистская» точка зрения<...> Механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом». [8; 168] То есть речь идет о том, что в основе всех метафор лежит некий ряд общепризнанных ассоциаций.

Субституциональная точка зрения отвергает представления о том, что метафорическое суждение имеет два различных субъекта — главный и вспомогательный. «Считать, что в основе метафоры лежит демонстрация сходства или аналогии — значит придерживаться теории, которую я буду называть сравнительной точкой зрения на метафору (comparison view)». [8; 162]

Разность подходов определяется еще и во взгляде на само явление — движется ли оно или статично.

«В лингвистической науке проблема метафоры — и как процесса, создающего новые значения языковых выражений в ходе их переосмысления, и как уже готового метафорического значения —

рассматривалась издавна и всегда скорее как стилистическое средство или художественный прием, реже – как средство номинации, еще реже – как способ создания языковой картины мира <...>». [13; 3]

Впрочем, некоторые исследователи определяют метафору не как статичное явление, а как движение. Например, Маккормак описывает метафору как процесс, протекающий на трех взаимосвязанных уровнях:

1) «метафора как языковой процесс» - в ней возможно движение от обычного языка к эпифоре, диафоре и в обратном направлении.

2) «метафора как семантический и синтаксический процесс, т.е. объяснение метафоры в терминах лингвистической теории»;

3) «метафора как когнитивный процесс» [29; 381] Здесь, по все видимости, есть связь с номинативной функцией метафоры

Подход к определению естественным образом связан с функциональными возможностями метафоры. Гак говорил, что «ее назначение – скорее вызывать представления, а не сообщать информацию». [13; 109]

«В некоторых концепциях знака <...> словесную метафору причисляют к иконическим знакам. Иконичность, очевидно, частный случай подобия, изоморфизма. Знак иконичен тогда, когда экспонент знака моделирует (т.е. воспроизводит в своей субстанции и структуре) свой денотат». [34; 91]

Из языкового свойства двуплановости метафоры вытекает тот факт, что термин метафора относят и к плану содержания, и к плану выражения знака. Подробнее об этом у Москвина В.П. в «Очерках семиотической теории» (о том, что именуется звуковой метафорой и понимании метафоры в широком и узком смыслах).

Возвращаясь к вопросу о междисциплинарном характере термина, обратимся к известной книге Джонсона и Лакоффа «Метафоры, которыми мы живем».

«Для большинства людей метафора является инструментом поэтического воображения и риторических излишеств – частью какого-то особенного, а не повседневного языка. Более того, метафора обычно рассматривается как собственно языковая характеристика, связанная скорее со словами, чем с мышлением и деятельностью. По этой причине множество людей считает, что они прекрасно обходятся без метафор. Вопреки этому мнению мы обнаружили, что метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична». [26; 25]

<...> в книге «Метафоры, которыми мы живем» излагаются «базовые идеи когнитивного подхода, не потерявшие своей актуальности и сейчас, передаются на содержательном уровне». [26; 8] Лингвисты предпочитают описывать метафору с тенденцией «помещать её в ненаучно-экспрессивный субкод языка». [1; 383]

Обобщая вышесказанное, выделим основные аспекты существования метафоры в современной культурной сфере :«<...> три основные точки зрения относительно семантического объема термина «метафора», существующие в современной науке:

1. Метафора как один из способов придания выразительности речи, художественный прием, троп, образованный на основании сходства.

2. Метафора как общее название для всех образований с двуплановой семантической структурой, включающей в себя одновременную актуализацию двух значений – прямого и переносного.

3. Междисциплинарное, семиотическое понимание метафоры как универсального способа человеческого мышления, в основе которого лежит применение уже имеющихся знаний и представлений к области еще не понятого». [25; 36]

1.3. Признаки метафоры.

Прежде всего, обратим внимание на тот факт, что до сих пор не сложилось однозначной терминологии, называющей два компонента метафоры: в различных исследованиях они могут носить названия субъекта и объекта, компаранта и компаратора, содержания и оболочки и т.п. Данный факт несколько затрудняет описание характеристик.

Это подтверждается словами многих ученых, выражая мысль о том, «что, если мы пытаемся детально анализировать метафору с помощью традиционных расплывчатых терминов, у нас время от времени возникает такое же ощущение, которое может появиться при устном извлечении квадратных корней». [41; 48]

Тем не менее очевидно, что одним из ключевых признаков метафоры так или иначе будет являться её *двуплановость*.

«Мысль о семантической двойственности метафоры принимает разные формы — от относительно простой у Аристотеля до относительно сложной у М. Блэка». [20; 175]

Метафора, как и любой другой языковой факт, может быть охарактеризована «в плане формы, содержания и функционирования». [13; 13] Что касается плана выражения, то здесь следует отметить, что «формальный аспект метафоры проявляется на уровне морфологии и синтаксиса» [13; 13], иными словами, метафорические номинации могут проявляться при помощи морфем (сердцевидный), падежных форм (слышать сердцем), при транспозиции (змеиться).

Маккормак пытался доказать, что «метафора есть результат когнитивного процесса, который сопоставляет два (или более) референта, обычно не связываемых, что ведет к семантической концептуальной аномалии, симптомом которой обычно является определенное эмоциональное напряжение». [29; 363]

Дэвидсон, в частности, не соглашается с тем, что метафора несет в себе отпечаток эмоциональности, загадки, хаотического движения, он

позиционирует развертывание метафоры на основе буквального смысла входящих в нее компонентов: «метафора связана с образным использованием слов и предложений и всецело зависит от обычного или буквального значения слов и, следовательно, состоящих из них предложений». [20; 175]

«Метафорическое употребление языка во многом отличается от буквального (literal)* <...> Метафора далека от того, чтобы быть простым средством украшения; она активно участвует в развитии знания <...> ». [17; 194]

«Метафора – универсальное явление в языке. Ее **универсальность** проявляется в пространстве и во времени, в структуре языка и в функционировании. Она присуща всем языкам и во все эпохи; она охватывает разные аспекты языка и обнаруживается во всех его функциональных разновидностях». [13; 11]

Следующая характерная особенность – это **спонтанность возникновения**, связанная с творческим началом метафоричности. Метафора опознается только благодаря присутствию в ней художественного начала. «Метафоре присуща следующая эстетическая особенность: она заставляет читателя каждый раз реагировать и испытывать чувство новизны<...>». [20; 180]

«В основе метафор могут лежать как общепринятые ассоциации, так и созданные специально для конкретных случаев системы импликаций: им не обязательно быть уже готовым изделием, они могут быть созданы по специальному заказу». [8; 168]

«Метафора — это греза, сон языка (dreamwork of language). Толкование снов нуждается в сотрудничестве сновидца и истолкователя, даже если они сошлись в одном лице. Точно так же истолкование метафор несет на себе отпечаток и творца, и интерпретатора. Понимание (как и создание) метафоры есть результат творческого усилия: оно столь же мало подчинено правилам». [20; 174]

Еще один признак – способность метафоры «растягивать язык» – связан с когнитивной теорией и номинативной функцией метафоры. Можно сказать, что метафора обладает *суггестивностью*. Как пишет Дж. Лакофф, «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных <...>». [26; 10] ;«<...> метафоры способны изменять внешний мир, привнося в него объективно существующие черты сходства, которых раньше не было». [26; 183]

«Все типы употребления языка имеют тенденцию растягивать его, но при буквальном употреблении он «пружинит»: метафоры растягивают язык за пределы его эластичности». [37; 234]

Признак суггестивности, то есть способности создавать новые значения основан на признаке *подобия компонентов*, лежащих в основе метафоры. «Метафора предполагает определенное сходство между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна быть понятна, а с другой стороны, — несходство между ними, поскольку метафора призвана создавать некоторый новый смысл, то есть обладать суггестивностью». [29; 359]

«Как известно, в структурном отношении метафора представляет собой сжатое сравнение без употребления сравнительных слов «как», «подобно» и т.д., которые выражают одновременно понятийную близость и отдаленность». [12; 55]

Однако, не все исследователи согласны с тезисом, что в основе метафоры лежит уподобление. Встречаются и диаметрально противоположные суждения, например, о том, что метафоры основываются именно на разности компонентов, то есть в основе лежит не уподобление, а *отрицание*. «Тезис о наличии в глубинной структуре метафоры отрицания представляется мне исключительно важным, поскольку его принятие означает признание того, что метафору можно понять и что можно описать ее смысл явным образом». [10; 147]

В «Вопросах языкознания» Никитин пишет о том, что «метафору, как и сравнение, нельзя без оговорок относить к явлениям моделирования.<...> Для метафоры (и сравнения вообще) мера подобия несущественна». [34; 98] Имеется в виду тот факт, что сравнение предполагает наличие как сходства, так и различия. Анализируя сходные и различные компоненты, человек приобретает новые знания. Недаром существует рассуждение о том, что «сравнение есть основа всякого понимания и всякого мышления». [7; 4]

Именно потому, что метафоричность отличается от буквального смысла восприятия, она базируется именно на несхожести компонентов . «Если отвлечься от объектов, к которым отсылает метафора, и рассматривать сами значения слов, то следует искать, так сказать, метафоричность метафоры в своего рода конфликте, который отсутствует при буквальном использовании слов». [5 ; 206]

В связи с существующими противопоставляющими мнениями появляется следующий признак: **неоднозначность толкования** метафоры, который в свою очередь рождает удлинённые ассоциативные ряды.

Теории метафоры от античности до наших дней в зависимости от своих признаков подразделяются, в основном, на «теорию сравнения, где метафоры высказывания связаны со сравнением двух и более объектов» и «теорию семантического взаимодействия, в которой метафора связана взаимодействием двух семантических смыслов (выражения и контекста)». [42; 315]

«В метафоре как бы потенциально заложена сила, разрушающая грани невозможного, способная приблизить далекое и возвысить обыденное. Характеризуя одновременно два чаще всего совершенно различных понятия, метафора в большинстве случаев приводит к сложному смысловому результату с многорядными ассоциациями». [12; 53]

«Метафорическое значение подвижно, в нем силен прагматический компонент, семантические границы расплывчаты ,<...> многое содержится имплицитно». [34; 98] «В одном контексте метафорическое слово,

употребляясь сотни и даже тысячи раз, все равно остается метафорой, тогда как в другом контексте слово может быть воспринято как буквальное практически с первого раза». [20; 180]

Неоднозначность толкования, на наш взгляд, берет истоки в импликациях метафоричности с мифологичностью мышления, о чем уже было сказано ранее. «Связь метафоры с мифом как по происхождению, так и по семантической сущности хорошо известна». [44; 21] Об этом писали такие исследователи как Веселовский, Потебня, Выготский, Кацнельсон, Рифтин, Еремина и др. «Миф сам по себе был метафорой, и язык мифологической стадии развития был целиком метафоричен». [44; 21] А.А.Потебня считал, что эта особенность языка была первоначальным способом объяснения непознанного. Мифические образы многогранны, здесь берут свое начало антропоморфные, зооморфные и базисные метафоры (огня, пути, воды, времени).

Некоторые ученые (Гак, Телия, Лакофф и Джонсон и др.) часто высказывают мысль о том, что метафора – понятие не только и не столько языковое, сколько общепонятийное, а также она есть орудие мышления вообще и функциональна во всех сферах деятельности человека. Если же брать признаки метафоры в чисто языковом аспекте, то можно говорить о **процессуальности языковых явлений**: «Благодаря ей язык представляет систему в постоянном преобразовании <...>» [13; 13] и признаке естественности знаковой системы: «Использование метафор – характерное отличие языка от искусственных знаковых систем». [там же]

Еще один ключевой признак метафоры – это принцип ее **контекстуальной реализации**. Все исследователи сходятся во мнении, что метафора может быть адекватно рассмотрена только при наличии контекста. Семантика метафоры сильно зависит от контекста и ситуации речи, «лишь <...> вписавшись в изображенную ситуацию и согласовавшись с ее связями и зависимостями, метафора уточняет свой смысл, теряет неопределенность и может быть однозначно семантизирована». [34; 98]

Поскольку метафора проявляется в процессе взаимодействия слов, она требует определенного контекста для реализации своего значения, и наименьшим контекстом является предложение. «Вне контекста, вне системы грамматических связей предложения слова имеют переносные значения только потенциально». [12; 51]

1.4. Классификация метафор.

В лингвистике традиционно выделяется множество трактовок вопроса классификации метафор. Этот вопрос в теории метафоры наиболее дискуссионный. Этой проблеме посвящено множество исследовательских работ. Принадлежность метафоры к тому или иному языковому ярусу диктует параметры для ее классифицирования.

В классификации Миллера в воплощении метафоры доминирует выражение концепта. Таким образом, метафоры подразделяются на **именные** («именной концепт выражается именной группой в метафорическом употреблении, например: *человек – это волк*»), **предикатные** (когда предикативный концепт выражен глаголом или предикативным прилагательным), **сентенциальные** («целиком выводятся из текста или контекста»). [32; 265-266]

В типологии В.Г.Гака существуют полный метафорический перенос-двусторонняя метафора (голова-котелок), односторонняя семасиологическая метафора (ножка стула), односторонняя ономасиологическая метафора (волынить); частичный метафорический перенос (зубец вилки). [13; 13]

В основе этого разделения универсальные категории, порождающие метафоры. Отмечают «три универсальных типа метафоризации: антропоморфизм, перенос от конкретного к абстрактному и синестезию». [13; 17]

Некоторые исследователи применительно к художественной речи подразделяют метафору на **индивидуально-авторскую** и **метафору-символ**

«В соответствии с разграничением между языком и речью индивидуально-авторскую метафору можно отнести скорее к элементу речи». [12; 49] Что касается метафоры-символа, о ней говорят, что она «является очень эффективным и распространенным приемом», а также о том, что «в смысловой структуре символа сочетаются два составных его компонента – вещественный образ и внутренний смысл (содержание). Содержание символа не всегда поддается четкому логическому анализу, который приводит к разгадке символической тайны, скорее его можно понимать внутренним чутьем». [12; 56]

«Распространение и соединение, представляющие собою два главных элемента метафорической деятельности, наиболее действенны в сочетании; возможно, на самом деле они всегда в той или иной степени соединены друг с другом, по крайней мере в неявном виде. Но чтобы понять роль каждого из них, их можно рассматривать по отдельности и дать им отличные друг от друга названия —«эпифора» и «диафора», — первое из которых обозначает распространение и расширение значения посредством сравнения, а второе — порождение нового значения при помощи соположения и синтеза». [47; 83]

Дж.Лакофф и М.Джонсон в рамках когнитивной теории метафоры говорят о **концептуальных метафорах**, которые «могут образовывать согласованные концептуальные структуры более глобального уровня – «когнитивные модели».<...> К числу концептуальных метафор европейской культуры относятся, например, метафорические проекции ВРЕМЯ – ЭТО ДЕНЬГИ, СПОР – ЭТО ВОЙНА, ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и др.» [26; 11] Кроме того, они ввели такую типологическую классификацию метафор, основанных на нашем физическом и культурном опыте:

1) **Ориентационные метафоры** – «придают концепту пространственную ориентацию: например, HAPPY IS UP/ СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ<...>». [26; 35] Например, чувствовать себя *на вершине* блаженства, настроение *упало*, *пасть* духом. Здесь считается, что власть и сила, сознание, здоровье и жизнь, высокий социальный статус, добродетельность,

рациональное, хорошее и большое ориентировано НАВЕРХ, а печаль, бессознательное состояние, болезнь и смерть, подчинение, низкий социальный статус, меньшее, порочность, эмоциональное – ориентировано ВНИЗ. Например, совершить *низкий* поступок, дела идут *в гору*, он *на пике* карьеры, в *верхнем* эшелоне власти, *свалиться* с гриппом, *восстать* из мертвых и т.д.

2) **Онтологические метафоры** – метафоры сущности и субстанции, на основе опыта обращения с материальными объектами. «<...> Концептуализация с помощью пространственных категорий имеет свои пределы. <...> Как и в случае с ориентационными метафорами, метафоричность большинства этих выражений не осознается». [26; 52] Вот некоторые концепты, заложенные в основу онтологических метафор: *разум – это машина*, *душа – это хрупкий объект*, кроме того, говорится о метафорах пространства, вместительности, событий, действий и т.д. Примеры метафор: *сегодня голова не работает*, *колесики не крутятся*, в голове *шарики за ролики*, *сломаться* под гнетом обстоятельств, корабль появился *в поле зрения* и т.п.

Похожая градация описана у Ф. Уилрайта, там он говорит о неизбежных метафорических архетипах, или архетипических символах, что тоже можно распределить по типологии «ориентационные – онтологические»: «<...> некоторые символы, такие, как «небесный отец и земная мать», «свет», «кровь», «верх — низ», «ось колеса» и др., появляются вновь и вновь в столь отдаленных в пространстве и времени культурах, что какое-либо историческое влияние или причинная связь между ними были бы невероятными». [47; 98]

Если говорить об олицетворении как частном случае метафоры, об этом говорят Лакофф и Джонсон в термине **персонификации**: «пожалуй, к наиболее очевидным онтологическим метафорам относятся случаи, когда материальный объект интерпретируется как человек. <...> Дело в том, что персонификация представляет собой общую категорию, охватывающую

широкий круг метафор, каждая из которых основывается на специфическом свойстве человека или на способе его восприятия». [26; 60] Например: *жизнь его балует, война унесла много жизней, инфляция съела все сбережения* и т.д.

«Конечно, присматриваясь к метафорическим выражениям, мы обнаруживаем, что типы взаимодействия сосуществующих мыслей, как я назову их, бесконечно разнообразны, как и типы взаимодействия между различными отсутствующими частями или аспектами разных контекстуальных значений слова». [41; 47]

По мнению большинства современных лингвистов, наиболее полную классификацию метафор разработал В.П. Москвин, доктор филологических наук, автор более ста семидесяти научных и научно-методических работ.

В.П. Москвин разработал систему параметров классификации метафор, где она по своим функциональным характеристикам подразделяется на *семантическую, структурную* (или *формальную*) и *функциональную*. Внутри каждой классификации имеется значительное разветвление, которое мы постараемся проследить.

1. Семантическая классификация метафор. Здесь, главным образом, внимание исследователя привлекает такая особенность метафоры как *смысловая двуплановость* – способность метафоры члениться на основной и вспомогательный субъекты. **По вспомогательному субъекту** метафора может делиться на *антропоморфную* (например, «румянец утра»), *анималистическую* (еще называют зооморфной): «револьверный лай», *пространственную* (можно назвать ориентационной по другим классификациям) и *ключевую* (огня, сна, пути, воды).

- классификации метафор по основному субъекту.

Здесь метафора чаще всего рассматривается как источник синонимии. Вопрос об источниках синонимии остается весьма малоизученным в лингвистике (существует перечень, созданный Ю.Д. Апресяном в 1974 г., но и он не является исчерпывающим).

У В.П. Москвина названы три источника синонимии:

а) Синонимическое использование единиц одной родовидовой иерархии . б) Словообразование

в) Использование различных фигур.

- классификации метафор по степени смысловой удаленности основного и вспомогательного субъектов.

Внутренняя метафора строится внутри одного класса понятий (например, «СПИД – чума XX века»). Существует также метафора **внешняя**. О ней писали Лотман Ю.М., Москвин В.П. буквально следующее: «Внешняя метафора, основанная на межклассовом переносе, зачастую сближает понятия, «вне риторической ситуации не поддающиеся сближению»: *Разлука – младшая сестра смерти* (О. Мандельштам)». [33; 131] Таким образом, мы видим, что основной и вспомогательный субъекты в данном случае берутся из разных семантических микросистем или полей.

- классификация метафор по вспомогательному и основному субъектам.

Иногда мотивационные ряды приобретают характер архетипических, так как подобные примеры берут свое начало в далеком прошлом. Пример мотивационного архетипа: «время как вода».

- классификация по степени целостности внутренней формы.

Считается, что основоположником рассмотрения метафор с точки зрения их экспрессивной окраски стал швейцарский лингвист Ш. Балли. Вслед за ним, многие исследователи стадии развития метафорической образности:

1. **«Живые» образы.** *«Ветер усиливает свой грозный голос . Этот тип в наибольшей степени обладает способностью вызывать в воображении картину<...>». [4; 227]* По В.П. Москвину – **«образные»**, которые он, в свою очередь подразделяет на **«оказиональные»** (напр., *синтаксический монстр* – о сверхсложном предложении), <...>которые в художественной речи именуются **индивидуально-авторскими** метафорами (*березовый ситец* у Есенина)» и **«узуральные»** – метафоры либо общеупотребительные, либо

получившие распространение в одной из функциональных подсистем языка<...>напр., солнечная *корона* – астрон.» [33; 144] У Скляревской также названо «живой» метафорой.

2. «Ослабленные» образы. Это некий промежуточный тип. Ш.Балли говорит о них, что они «не вызывают конкретного представления, однако еще не полностью утратили свою выразительность: *Силы больного падают с каждым днем* <...>». [4; 227] У Москвина названы «*стёртыми*» метафорами, источником которых являются узуальные. У Скляревской – *эмоциональными*.

3. «Мёртвые» образы. «Вам *грозит* большая опасность. И образы и ощущение образности тут уже совершенно стерлись, мы воспринимаем такие метафоры чисто логически. У Москвина имеют такое же название: «Источниками мертвых метафор являются а) стертые метафоры, которые в процессе использования утратили полностью внутреннюю форму <...>; б) метафоры, заимствованные из либо неcodифицированных сфер национального языка: жаргона, просторечия, диалекта, либо из другого языка <...>». [33; 145] У Скляревской названы *генетической*.

2. Формальная (структурная) классификация метафор.

В этой классификации метафора функционирует на двух уровнях – лексическом и синтаксическом, то есть единицей носителем может выступать как слово, так и словосочетание, фраза или текст. В зависимости от этого единицы-носители метафорического образа могут подразделяться на *словесные метафоры* (в свою очередь подразделяются *по частеречной принадлежности* на субстантивные: Твои руки – настоящий лед, адъективные: Ледяные руки, и глагольные: Ужас леденит сердце; *по синтаксической функции* могут быть *предикативными*, *по грамматической форме* - *генетивными*), *метафорические сочетания*, *фразовые* и *текстовые* метафоры. [33; 146]

Также существует членение по количеству таких единиц-носителей. Здесь важно, сколькими единицами представлен план выражения. В

зависимости от этого метафора может быть простой (также называют одиночной, одночленной или изолированной) – в ней план выражения представлен одной единицей (напр., *золото заката*) и развернутой.

Развернутой метафорой называют такую, где слова одного семантического поля являются опорными и выполняют роль некого образного каркаса для всего текста (напр., *Парадом развернув моих страниц войска, я прохожу по строчечному фронту* – В. Маяковский). Таким образом, мы видим, что для характеристики развернутой метафоры чрезвычайно важен контекст. И здесь встает вопрос о контекстуальной разновидности метафор. «Роль микротекста, с помощью которого возможна расшифровка метафоры, играет ключевое слово, также называемое слово-параметр, *замкнутая метафора*, бинарная метафора». [33; 148] Мы видим, что замкнутую метафору легко соотнести с простой, она не требует объемного контекста.

Мы знаем, что слово и контекст вместе производят метафору, но бывают случаи, в которых из фрагментарно представленного текста смысл метафоры невозможно корректно понять. В таком случае метафора считается *незамкнутой*. «Ближайший контекст незамкнутой метафоры не раскрывает ее смысл. <...> Незамкнутая метафора заставляет искать не только общий признак, но и субъект сравнения, т.е. ее смысл, заключая в себе двойную загадку». [33; 149] Смысл подобной метафоры может быть подсказан целым произведением, его заглавием, в таком случае мы говорим, что для истолкования метафоры нам требуется *широкий контекст*.

Можно отметить, что В.Н.Телия указывает на отсутствие сомнения в том, что «метафоризация как один из тропеических способов смыслопроизводства займет в теории языка еще более заметное место, нежели словообразование, поскольку метафора когнитивно обрабатывает не только номинативные единицы языка – слова и сочетания слов, но и строевые элементы языка, а также любые осмысленные отрезки текста – начиная от высказывания и кончая целым текстом». [46; 47]

3. Функциональная классификация метафор.

Данный вид классификации считается одним из самых спорных, у разных исследователей насчитывается от двух до пятнадцати наименований метафорических функций. Мы же обратимся к основным параметрам, которые указывал В.П.Москвин. В этом случае можно говорить о том, что по функциональным особенностям метафоры делятся на:

- **номинативную** (в том случае, когда не существует словесных воплощений для появившегося явления, напр., *застежка-молния*);

- **оценочную** (в основном применительна для характеристики человеческих качеств и носит зооморфный характер, напр., *эта женщина настоящая змея*);

- **декоративную** (непосредственно украшает речь, напр., *алмазная роса*);

- **эвфемистическую** (не в полном смысле эвфемизм, а своего рода эвфемистическая замена, создаются в основном на базе терминов и профессионализмов, напр., *Эй, славяне, что с Кубани, с Дона, с Волги, с Иртыша, занимай высоты в бане, закрепляйся не спеша!* – А.Т. Твардовский);

- **когнитивную** (такие метафоры характерны для языка науки, они могут связывать научную и бытовую картину мира (*загар пустыни, магнитные волны*) или два раздела одной дисциплины).

Все это будет являться видовой принадлежностью метафоры. Если же говорить непосредственно о функциях метафоры, целесообразно отметить «1. номинативную, состоящую в «номинации еще не созданного денотата» (Е.И. Шендельс); 2. экспрессивную, задача которой – «приглашение адресата к особому видению мира» (И. Левенберг)». [33; 172]

Обобщая вышеизложенное, можно прийти к выводу о том, что параметры классификации метафор определяются уровневым соотношением по ярусам языка, соотношением плана выражения и плана содержания, соотношенностью с контекстом, функциональными возможностями. Анализ

может быть произведен по одному из параметров или же по их вариативным комбинациям.